

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за экстремизм»

Обучающийся

Э.М. Султанов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

В выпускной квалификационной работе рассмотрены и проанализированы преступления экстремистской направленности.

Актуальность темы исследования связана с серьезной угрозой, которую представляют экстремистские преступления для общества. В условиях новой правовой системы важно исследовать уголовную ответственность как метод противодействия экстремизму. Несмотря на рост уголовных дел с обвинительными приговорами, количество экстремистских преступлений продолжает увеличиваться. Важно разработать эффективную правовую основу для уголовного преследования экстремистской деятельности, чтобы обеспечить стабильность общества и государства.

Объект исследования являются общественные отношения, связанные с формированием и реализацией уголовно-правовых мер противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Целью данной работы является изучение уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, выявление проблемных аспектов исследуемых вопросов, формирование рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава посвящена понятию и признакам экстремизма. Во второй главе рассматривается уголовно-правовая характеристика. В третьей главе проводится анализ вопросов отграничения экстремизма и терроризма, а также вопросы преступлений экстремистской направленности. В заключении подводятся итоги исследования.

Структура исследования включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и признаки экстремизма и терроризма	7
1.1 Понятие и современные подходы к толкованию терроризма и экстремизма.....	7
1.2 Критерии отграничения терроризма и экстремизма в соответствии с положениями современного законодательства	16
1.3 Виды преступлений террористской и экстремистской направленности.....	21
Глава 2 Уголовно правовая характеристика составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ	26
2.1 Характеристика объективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ	26
2.2 Характеристика субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ	35
Глава 3 Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности.....	41
3.1 Вопросы отграничения экстремизма и терроризма	41
3.2 Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности в сети Интернет	47
Заключение.....	55
Список используемой литературы и используемых источников	58

Введение

Экстремизм представляет собой деятельность, направленную на подрыв основ государственного и общественного порядка, а также правовых и демократических принципов. Его самой опасной формой признан терроризм, угрожающий глобальной безопасности. Несмотря на сосредоточенность законодательства на борьбе с террористической деятельностью, экстремизм в целом представляет серьёзную угрозу для правового государства и гражданского общества.

На международном уровне отмечается рост преступлений, связанных с публичными призывами к подрыву государственного строя, оправданием нацизма, геноцидом и разжиганием ненависти. В России также фиксируется увеличение числа преступлений экстремистского характера, наряду с террористическими актами. Острой проблемой остаётся разграничение экстремистских преступлений и менее опасных правонарушений, таких как бытовые конфликты.

Современный экстремизм превратился в глобальный вызов, подрывающий устои цивилизованного общества. Это явление представляет многоплановую угрозу, например, такую как подрыв государственной безопасности, дестабилизация политических систем, крупномасштабный финансовый ущерб и другую.

Для эффективной борьбы с экстремизмом требуется разработка единых подходов к квалификации таких преступлений, их классификации и привлечению виновных к ответственности. Совершенствование правового регулирования в этой сфере остаётся актуальной задачей для современной России. Эффективное противодействие экстремизму требует консолидации усилий на международной арене. Только скоординированные действия мирового сообщества способны нейтрализовать эту опасность.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что преступления экстремистского характера представляют собой серьёзную опасность для

общества. В условиях формирования новой правовой системы для борьбы с экстремизмом, возникает необходимость решения этой проблемы, особенно в контексте уголовной ответственности. Однако статистические данные показывают, что проблема не решена в полной мере: несмотря на рост числа уголовных дел с обвинительными приговорами, количество экстремистских преступлений продолжает увеличиваться. «Следственный комитет России направил в суд 430 уголовных дел об экстремизме в 2023 году, что на 62 % больше, чем годом ранее» [41]. В текущей ситуации крайне важно разработать эффективную правовую основу для уголовного преследования экстремистской деятельности, чтобы обеспечить стабильность как общества, так и государства.

Объект исследования являются общественные отношения, связанные с формированием и реализацией уголовно-правовых мер противодействия преступлениям экстремисткой направленности.

Предметом выступают нормы российского законодательства по противодействию экстремисткой деятельности, акты судебного толкования, материалы судебной и следственной практики, касающиеся проблем применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности.

Целью данной работы является изучение уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, выявление проблемных аспектов исследуемых вопросов, формирование рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства.

Для достижения поставленной в работе цели решались следующие задачи:

- раскрыть понятие и признаки экстремизма;
- провести уголовно-правовую характеристику преступлений экстремистской направленности, включающую в себя объективные и субъективные признаки;

- раскрыть вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности и рассмотреть пути их решения.

Теоретическая основа исследования включает в себя труды отечественных и зарубежных правоведов, таких как Ю.И. Авдеев, Э.М. Агаджанян, Е.В. Алехин, В.В. Бычков, Я.В. Гармышев, А.В. Гучий, П.С. Животова, С.В. Иванцов, С.И. Кондратьева, В.Л. Кудрявцев, Р.Д. Кузнецов, А.С. Лаврив, А.Я. Минин, А.А. Можегова, Е.А. Сазанова, А.И. Трахов, З.М. Бешукова, А.О. Черниченко и другие.

Нормативно-правовая база исследования состоит из Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, а также международного и федерального законодательства и подзаконных актов, регламентирующих вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности.

Работа состоит из введения, трех глав, объединивших в себе семь параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и признаки экстремизма и терроризма

1.1 Понятие и современные подходы к толкованию терроризма и экстремизма

В современном мире экстремизм и его последствия становятся всё более очевидными. В настоящее время отсутствует универсальное научное определение экстремистской деятельности как негативного социального явления. Тем не менее, это явление представляет собой значительную глобальную проблему, касающуюся всех слоев общества. Для того чтобы эффективно бороться с преступлениями, связанными с экстремизмом, важно тщательно исследовать его определение и основные аспекты.

Для глубокого понимания сути преступлений экстремистской направленности необходимо проанализировать взаимосвязь таких ключевых понятий, как «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «экстремистские преступления». Такой подход позволит точно раскрыть содержание данного термина. Первостепенное значение имеет исследование самого явления экстремизма, которое признаётся на международном уровне и зафиксировано в правовых актах, включая Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001). Конвенция определяет экстремизм как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством» [39].

Развитие российского уголовного права происходило под воздействием международных нормативных документов, включая Шанхайскую конвенцию и Модельный закон «О противодействии экстремизму». В этих актах

экстремизм определяется как угроза, подрывающая устои государственной власти и нарушающая права человека. В связи с этим возникает необходимость тщательной разработки признаков, на основании которых действия могут быть классифицированы как преступные, с обязательным учетом специфики отечественного законодательства. Так, в Модельном законе закреплено, что «экстремизм – посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения» [18].

Конвенция о защите прав человека и основных свобод является международным договором между членами Совета Европы, который содержит каталог основных прав и свобод человека (Конвенция №005 Совета Европы). За соблюдением положений Конвенции следит Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге. Все 46 государств-членов Совета Европы, включая 27 стран-членов Европейского Союза, являются участниками Европейской конвенции по правам человека.

Основой прав человека, как мы их понимаем сегодня, является равенство всех людей. Положения об этом содержатся во Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и многих других международных договорах, посвящённых правам человека. В Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) данный принцип закреплён в статье 14. Однако по сравнению с другими международными договорами применение этой статьи было ограничено: в отличие от аналогичных положений других соглашений, она не содержала общего запрета дискриминации, а лишь запрещала дискриминацию в контексте прав, гарантированных Конвенцией. Статья 5 Протокола № 7 закрепила равенство супругов, однако общего запрета дискриминации в Конвенции по-прежнему не было. Это, однако, не являлось случайностью –

узкое определение прав было необходимо для обеспечения правоприменения ЕКПЧ.

С 1960-х годов предпринимались попытки закрепить общий запрет дискриминации в отдельном протоколе. Большое влияние на разработку такого протокола оказали, помимо Парламентской ассамблеи, Комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ECRI), Руководящий комитет по вопросам равенства между женщинами и мужчинами (CDEG) и Руководящий комитет по правам человека (CDDH). Начиная с 1990 года, ECRI и CDEG разрабатывали предложения по расширению существующего запрета дискриминации. При этом CDEG сосредоточил свои усилия на обеспечении равенства между мужчинами и женщинами, тогда как ECRI занималась вопросами расовой дискриминации. Впоследствии Министром комитет поручил Руководящему комитету по правам человека подготовить доклад о возможных изменениях в статье 14. На основе этого доклада на 622-й сессии, проходившей с 10 по 11 марта 1998 года, Министр комитет поручил CDDH разработать проект протокола. Проект включал общий запрет дискриминации, устраняя прежние ограничения, и устанавливал, что никто не может быть дискриминирован публичными властями ни при каких обстоятельствах.

Рассмотрим законодательство отдельных стран Европы, регулирующие преступления экстремисткой направленности. Закон о борьбе с правым экстремизмом и преступлениями на почве ненависти – это немецкий нормативный акт, вносящий изменения в Уголовный кодекс, Федеральный закон о регистрации граждан (Bundesmeldegesetz) и Закон о защите сетей (NetzDG). Законодатели обратили внимание на усиливающуюся деградацию общения в интернете, особенно в социальных сетях, что представляет угрозу свободе выражения мнений. Основная цель закона заключалась в введении обязательства для операторов социальных сетей сообщать о конкретных противоправных содержимых в Федеральное управление уголовной полиции (ВКА). Это позволяет передавать дело в компетентные органы для дальнейшего расследования.

К таким содержимым относятся материалы, представляющие угрозу демократическому правовому государству, нарушающие общественный порядок, распространяющие детскую порнографию или угрожающие жизни, сексуальной неприкосновенности, физическому здоровью или личной свободе. Они могут оказывать длительное негативное влияние на свободу выражения в социальных сетях. Помимо уже предусмотренного в §3 Abs. 2 NetzDG удаления незаконного контента, закон подчеркивает необходимость уголовного преследования, особенно преступлений на почве ненависти, включая те, которые имеют правый экстремистский характер.

Таким образом, немецкий исследователь А. Гюнтер рассматривает экстремизм как «вид культурного насилия, особенно проявляющийся в молодёжной среде (как пример – спортивные болельщики), и для его предупреждения рекомендуют организовывать встречи, проводить семинары, устраивать дискуссии с привлечением молодёжи» [17].

Закон от 25 июня 1993 года № 205 является законодательным актом Итальянской Республики, который наказывает и осуждает высказывания, жесты, действия и лозунги, направленные на разжигание ненависти, подстрекательство к насилию, дискриминацию и насилие по расовым, этническим, религиозным или национальным мотивам. Закон также предусматривает наказание за использование эмблем и символов. Этот нормативный акт известен как «закон Манчино», названный в честь тогдашнего министра внутренних дел Никола Манчино, который выступил инициатором его принятия.

Принятый во время правительства Чампи, закон сегодня является основным инструментом итальянской правовой системы для пресечения преступлений на почве ненависти и подстрекательства к ненависти.

Закон Манчино опирается на классический либеральный аргумент, согласно которому высказывания, открыто призывающие к насилию и дискриминации по расовым, этническим или религиозным признакам, не могут быть защищены свободой выражения мнений. Эта идея была впервые

сформулирована Джоном Локком, который заявлял, что те, кто сами отрицают толерантность, не могут рассчитывать на защиту своих взглядов. В XX веке эту позицию поддержали Анри Бергсон, Карл Поппер и Жан-Поль Сартр, выступавшие против антисемитизма и других форм ненависти.

«Подчёркивая сложность такого явления, как экстремизм, А. Бартоли, П.Т. Колеман, анализируя этот феномен, понимают под экстремизмом конфликт, разрешающийся исключительно в жёсткой форме. Они считают, что экстремизм возникает из апокалиптической, эсхатологической идеологии, впрочем, сам экстремизм может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Его положительная сторона связана с освещением, привлечением внимания, широкой общественности или международного сообщества к сложным ситуациям, конфликтам. Негативные последствия экстремизма разнообразны: развиваются конфронтационные методы, в обществе сгущается атмосфера нетерпимости, насилие воспринимается как допустимый и наиболее предпочтительный метод достижения целей» [41].

Длительное время обсуждается возможность распространения действия «Закона Манчино» на преступления, связанные с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Эти предложения поддерживаются левыми партиями, однако правые партии, включая Forza Nuova и Лигу Севера, выступают за отмену закона, называя его ограничением свободы слова.

Научные подходы к определению экстремизма включают этимологический и перечневый [4]. Этимологический подход акцентирует внимание на экстремизме как идеологии, тогда как перечневый, используемый в России, ограничивается списком противоправных действий. Это вызывает критику, так как перечневый подход не учитывает широту феномена экстремизма, который охватывает как крайние взгляды, так и их реализацию в действиях.

Отсутствие единого подхода к понятию экстремизма затрудняет его правоприменение. Анализ законодательства и научных исследований помогает выявить ключевые признаки экстремизма и скорректировать правовые нормы. Некоторые ученые связывают экстремизм с созданием объединений против государственного строя, распространением крайних идей и использованием насилия или радикальных методов. Другие рассматривают экстремизм через перечень действий, но отождествляют его с экстремистской деятельностью, что вызывает критику за слияние разных понятий.

А.А. Можегова предлагает более широкое определение, включающее как антисоциальную деятельность, так и идеологию, провоцирующую ненависть к социальным группам. Это отражает сложность явления, но требует чёткого законодательного закрепления. Законодательство описывает экстремистскую деятельность через перечень действий (п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), однако формулировки часто критикуются за абстрактность [19].

В Уголовном кодексе РФ определения экстремизма и экстремистской деятельности отсутствуют. Ответственность за такие действия устанавливается через бланкетные нормы, отсылающие к федеральному закону. Это подчёркивает необходимость единых подходов и более точных формулировок для повышения эффективности правоприменения.

Список преступлений, имеющих экстремистскую направленность приведен в перечне № 20 преступлений экстремистской направленности Указания Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», так в ч. 1 закреплено, что «преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий: п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «д» ч. 2 ст. 207.3, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 280.2, п. «д» ч. 2 ст. 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 357» [32].

Перечень экстремистских действий постоянно меняется, что позволяет законодателю реагировать на новые вызовы, но затрудняет адаптацию правоприменителей. Включение в перечень не только уголовно-наказуемых деяний, но и административных правонарушений приводит к смешению действий с разной степенью общественной опасности.

Для наглядности можно привести позицию А.И. Трахова и З.М. Бешукова в своей статье «Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения» приводят пример разнородности ст. 280 УК РФ и нескольких статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [30]. Они отмечают: «применение ст. 280 УК РФ может вызвать коллизию законов. Публичные призывы к совершению действий, предусмотренных ст. 20.3 и (или) ст. 20.29 КоАП РФ (по своему содержанию – призывы к совершению административных правонарушений), будут содержать в себе признаки преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ. По сути дела, речь идет об обслуживании нормами уголовного права института административной ответственности, целесообразность чего представляется спорной» [30].

Так, в качестве одного из примеров можно привести преступление, закрепленное в ч. 1 ст. 280 Уголовного кодекса РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности – наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок» [31].

Экстремизм следует рассматривать как широкое явление, где экстремистская деятельность выступает его формой, а преступления экстремистской направленности – как конкретное проявление. А.В. Ростокинский [27] выделяет эти понятия, в то время как А.О. Черниченко

критикуют чрезмерную детализацию в законодательстве. Основным подходом представляется выделение признаков экстремистской деятельности, таких как провоцирование нетерпимости к социальной группе или государственному строю, вместо составления исчерпывающих списков действий [38].

Для преступлений экстремистской направленности ключевым является наличие экстремистского мотива или цели, таких как разжигание ненависти или унижение достоинства. При этом законодательство выделяет два подхода: ограничение таких преступлений мотивами, связанными с ненавистью, или более широкий охват действий, включая организацию экстремистских групп. Широкий подход предоставляет больше возможностей для правоприменения, но требует точного определения понятий, чтобы избежать произвольного толкования.

«Экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам, мерам. Сам термин «экстремизм» появился в XIX веке, а в юридической литературе начал использоваться в первой четверти XX века. В законодательстве и в научной литературе существует множество понятий «экстремизма» схожих друг с другом» [11].

Российское законодательство в ст. 1 ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет и трактует понятие «экстремистская деятельность» как:

- «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой,

- национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
 - публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
 - публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением и другое» [35].

Анализ национального законодательства позволяет выявить сходства и различия в подходах к определению экстремизма и его уголовно-правовому регулированию. Включение ключевых признаков экстремистских действий в Особенную часть УК РФ остаётся важной задачей для совершенствования борьбы с экстремизмом.

Сравнение российского и международного законодательства показывает необходимость уточнения признаков экстремистских деяний и их разграничения с другими преступлениями. В российском праве экстремизм и экстремистская деятельность фактически отождествляются, что противоречит подходу Модельного закона, где эти понятия разделяются. В России, как и в немецком законодательстве, издаются дополнительные Федеральные законы и постоянные редакции к ним, дополняющие Уголовный кодекс в связи с совершенствованием телекоммуникационных технологий.

Для повышения эффективности борьбы с экстремизмом важно четко разграничить понятия «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности». Это поможет устранить существующие пробелы и улучшить правоприменительную практику.

1.2 Критерии отграничения терроризма и экстремизма в соответствии с положениями современного законодательства

Среди российских правоведов отсутствует единое мнение относительно трактовки и соотношения терминов «экстремизм» и «терроризм». Терроризм представляет собой прямую опасность для основ конституционного строя. Он дестабилизирует безопасность государства, подрывает его целостность и нарушает принципы равноправия, закрепленные в законодательстве [36].

Соотношение терроризма и экстремизма остается дискуссионным. Один из подходов считает терроризм крайней формой экстремизма, где последний выступает социально-политическим явлением, связанным с борьбой за власть, а терроризм – его насильственным инструментом [28]; [14]. Экстремизм может предшествовать террористическим действиям, но они различаются по характеру методов.

Терроризм стремится к политическим, религиозным или социальным изменениям через насилие и страх. Экстремизм может иметь разнообразные мотивы, не всегда связанные с политикой или религией. Важно понимать, что не все экстремистские идеологии перерастают в терроризм. Не все экстремисты поддерживают насилие или террористические акты. Однако распространение экстремистских идей может способствовать формированию террористической идеологии.

По мнению Авдеева Ю.И. экстремизм как «социально– политическое явление представляет собой совокупность различных крайних форм политической борьбы, и одной из таких форм является терроризм» [1].

А.И. Рарог, профессор МГЮА, в результате анализа международных правовых актов и российского законодательства, регулирующего борьбу с терроризмом и экстремизмом, подчеркивает, что данные явления не просто взаимосвязаны, но и глубоко взаимодействуют. Терроризм, помимо общих черт с экстремизмом, имеет свои отличительные особенности. Это приводит к тому, что отдельные преступления могут одновременно характеризоваться как экстремистские и террористические [26].

Согласно другому подходу, экстремизм и терроризм следует строго разграничивать, рассматривая их как самостоятельные, хотя и связанные между собой явления. По мнению Я.В. Гармышева экстремизм, является «социально-правовым явлением, в основе которого находится идеология, направленная на пропаганду идей ненависти в различных ее проявлениях, характеризующееся неприятием существующего государственного строя и насильственными призывами к захвату властных полномочий» [5]. Согласно позиции автора, экстремизм отличается от терроризма тем, что не использует насилие для устрашения общества и не ставит целью воздействовать на принятие решений государственными органами или международными организациями.

В статье 2 Федерального закона № 114-ФЗ определяются следующие основные принципы противодействия экстремистской деятельности: «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; законность; гласность; приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности» [35].

Основные принципы противодействия терроризму, оглашенные в статье 2 Федерального закона № 35-ФЗ, звучат несколько иначе: «обеспечение и

защита основных прав и свобод человека и гражданина; законность; приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму; приоритет мер предупреждения терроризма; единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций; сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму; конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников; недопустимость политических уступок террористам; минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма; соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности» [34].

Правовую основу противодействия терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти [12].

В Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» говорится, что «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или)

иными формами противоправных насильственных действий», а «террористическая деятельность – организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [35].

Терроризм представляет собой сочетание идеологических установок и актов насилия, которые преследуются по закону. Каждое отдельное преступление, связанное с терроризмом, является элементом более масштабной деятельности, направленной на достижение определенных целей.

Различие между ними заключается и в методах и масштабе действий. Терроризм всегда включает насилие, как физическое, так и психологическое. Экстремизм, напротив, может проявляться в менее агрессивных формах, не всегда связанных с причинением вреда.

Для экстремизма насилие не является обязательным, тогда как терроризм полностью основан на насильственных методах.

Ученые расходятся в трактовке соотношения этих явлений. Террористические акты не всегда преследуют цель устрашения через насилие, тогда как экстремистские действия часто носят интеллектуальный характер, что подчеркивает их различия. Террористический акт предполагает использование насилия для достижения определённых целей. Эти цели включают устрашение населения, подавление его воли и дестабилизацию работы государственных органов. Чтобы отличить терроризм от других преступлений, включая экстремизм, необходимо выяснить, применялось ли

устрашение для воздействия на поведение и волю людей. Особое значение придаётся целям таких преступлений, в том числе их направленности на интересы определённых социальных групп или на угрозу безопасности человечества.

Экстремистские действия направлены на разжигание ненависти или вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, религии или принадлежности к социальной группе. Террористические преступления, напротив, ставят целью подрыв работы государственных или международных органов, влияние на их решения, а также устрашение населения.

Члены экстремистских и террористических групп могут совершать преступления обоих типов. Однако это не делает понятия тождественными, так как такие действия служат лишь инструментом для достижения конкретных целей, например, разжигания ненависти. В подобных случаях преступления квалифицируются по совокупности [6]. Таким образом, главным критерием для разграничения остаётся цель, которую преследовали преступники. Некоторые исследователи предлагают учитывать, достигло ли преступление своей конечной цели, например, устрашения населения. Этот метод позволяет более точно оценить характер и последствия противоправных действий.

Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации сотрудничает в области противодействия терроризму с иностранными государствами, их правоохрнительными органами и специальными службами, а также с международными организациями.

Российская Федерация, руководствуясь интересами обеспечения безопасности личности, общества и государства, преследует на своей территории лиц, обвиняемых (подозреваемых) в причастности к терроризму, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Объекты посягательства также различаются: экстремизм направлен на отдельные институты, тогда как терроризм угрожает интересам всего

общества. Террористические и экстремистские преступления различаются по уровню общественной опасности, так как их объекты посягательства не совпадают. Террористические акты и преступления террористической направленности создают угрозу для общественной безопасности и порядка.

В то же время экстремистские преступления могут быть направлены против личности, общественной безопасности, государственной власти или общественного порядка. Такое различие обусловлено тем, что эти преступления закреплены в различных главах Уголовного кодекса РФ. Для более точного разграничения требуется разработка четких критериев, учитывающих цели, методы и последствия каждого явления.

Таким образом, терроризм и экстремизм представляют из себя разные отрицательные явления. Их разграничение производится установления применения методов устрашения с целью воздействия на общественное поведение.

Важным критерием также служит конечная цель преступления. Экстремистские действия направлены на провоцирование ненависти или вражды на основе расы, национальности, религии или социального статуса. В свою очередь, терроризм преследует цели дестабилизации работы государственных органов, принуждения их к принятию определенных решений, а также создания угрозы таких действий.

Кроме того, терроризм часто сопровождается более тяжкими преступлениями по сравнению с экстремизмом.

1.3 Виды преступлений террористской и экстремистской направленности

Экстремистские преступления нередко совершаются по мотивам политической, расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти. Они могут выражаться в разжигании вражды, организации экстремистской деятельности, нарушении территориальной целостности или

совершении общеуголовных деяний, в которых экстремистский мотив служит квалифицирующим или отягчающим обстоятельством.

Уголовный кодекс РФ выделяет три основные группы таких преступлений: против личности (например, убийство по мотиву ненависти), против общественной безопасности (вандализм, хулиганство) и против основ конституционного строя (призывы к экстремизму, участие в запрещённых организациях). Кроме того, к ним относят геноцид и иные преступления, если они совершены по экстремистским мотивам, даже без прямого указания на это в диспозиции статьи [3].

Важно понимать, что экстремизм не тождественен терроризму, несмотря на возможное совпадение мотивов. Особенность экстремистской деятельности - её публичный и агитационный характер, часто сопровождающийся распространением ложной информации через интернет и соцсети.

Это позволяет охватить широкую аудиторию и усилить влияние пропаганды.

Экстремизм характеризуется публичностью, включая распространение пропаганды и ложной информации, особенно через интернет. Главный мотив – нетерпимость к определённым группам. Эти преступления направлены на дискриминацию или нанесение вреда гражданам, обладающим определёнными признаками. Примеры включают размещение в интернете видеоматериалов с враждебными высказываниями или убийства, совершённые по мотивам национальной ненависти [9].

При наличии мотивов ненависти или вражды они квалифицируются как отягчающие обстоятельства (ст. 63 УК РФ). Эти преступления опасны, поскольку затрагивают интересы широких социальных групп, а не только отдельных лиц. К ним также относится использование нацистской символики, направленное на разжигание ненависти и унижение достоинства социальных групп.

Террористические преступления охватывают подготовку, финансирование, организацию атак и создание вооружённых групп. Составы

включают помощь террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к терроризму (ст. 205.2 УК РФ), обучение для террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ) и другие. В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» терроризм определяется как насильственные действия, угрожающие общественной безопасности, устрашающие население и оказывающие давление на органы власти. Закон также учитывает корыстные мотивы, месть или цели осложнения международных отношений.

В Указании Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень преступлений террористического характера подразделяет их на следующие группы:

- «преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий: ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 360, 361;
- преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с террористической деятельностью: ст. 163, 206, 209, 210, 210.1, 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 281, 281.1, 281.2, 281.3, 295, 317, 318, 355» [34].

По характеру общественного проявления и формам технического осуществления выделяют следующие главные разновидности терроризма:

- «религиозный терроризм. Выражается в крайней нетерпимости, давлении и насилии, в том числе вооруженном, среди представителей различных религиозных взглядов и вероисповеданий. Некоторые террористические группировки данного вида ставят перед собой задачу создания единого государства, главной властью в котором будут являться нормы избранной ими религии;
- политический терроризм. Выступает вопреки социально-

политической концепции государства либо определенных политических личностей. Целью подобного типа террористического акта является завоевание политической власти, он направлен против имеющегося государственного строя;

- криминальный терроризм. Исполняется уголовными компонентами с целью запугивания правительства заказными убийствами, вооруженными столкновениями и, с целью устрашения населения;
- кибертерроризм. Это дезорганизация автоматизированных информационных систем вместе с дальнейшими человеческими жертвами и нанесением существенного материального вреда, в том числе нарушением обстоятельств жизнедеятельности людей, а также воздействием на мирные объекты инфраструктуры» [38].

Таким образом по результатам исследования в первой главе можно сделать ряд выводов и обобщений. В российском законодательстве закреплён широкий спектр преступлений экстремисткой и террористической направленности. Такой подход охватывает разнообразные проявления терроризма, однако усложняет процесс квалификации этих деяний.

Основные сложности связаны с необходимостью разграничивать схожие составы преступлений, а также отличать их от административных правонарушений.

Ярким примером служат статьи 205 УК РФ («Террористический акт») и 361 УК РФ («Акт международного терроризма»). Их объективная сторона практически идентична: обе статьи предусматривают совершение взрывов, поджогов или иных действий, направленных на устрашение населения. Такие действия создают угрозу жизни людей, могут привести к значительному имущественному ущербу или иным тяжким последствиям.

Целью преступлений является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, а также оказание влияния на принятие ими решений. Оба состава также включают угрозу совершения указанных действий.

Ключевое различие между статьями заключается в их территориальном и целевом аспектах. Статья 361 УК РФ применяется, если преступление совершается за границей, но при этом угрожает жизни, здоровью, свободе или неприкосновенности российских граждан.

Кроме того, эта статья акцентирует внимание на цели нарушения мирного сосуществования государств и народов, а также на направленности деяния против интересов Российской Федерации. Эти признаки позволяют отграничить международный терроризм от внутреннего.

Подобные нюансы требуют от правоприменителей тщательного анализа каждого дела.

Таким образом, экстремизм и терроризм различаются по своим целям и методам, но оба требуют более чёткого нормативного регулирования. Отсутствие единой системы квалификации осложняет борьбу с этими преступлениями и их профилактику.

Глава 2 Уголовно правовая характеристика составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ

2.1 Характеристика объективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ

Объективная сторона преступления включает внешние действия виновного, направленные на причинение вреда охраняемым законом объектам. Эти действия происходят в конкретных условиях, времени и месте. Основные элементы: само деяние, его последствия, причинная связь, а также способ и средства, используемые при совершении преступления.

Преступления, предусмотренные статьями 280, 280.1, 282 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом и с намерением побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо с целью возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе [21].

А.О. Черниченко в своей работе отмечает, что выражается «объект преступления в виде общественных отношений в сфере обеспечения основ конституционного строя, территориальной целостности и безопасности государства» [38].

Отсутствие единого подхода к квалификации таких преступлений усложняет правоприменение. Вопросы остаются и по статье 282 УК РФ, регулирующей возбуждение ненависти или вражды, особенно по поводу административной преюдиции и неопределённости формулировки статьи. Это создаёт правовую неопределённость, позволяя включать в состав статьи широкий спектр действий.

Пленум Верховного Суда РФ уточнил, что обязательным элементом состава преступления по статье 282 УК РФ является специальная цель: возбуждение ненависти или унижение достоинства по признакам пола, расы, национальности, религии или социальной принадлежности. Это разъяснение помогает разграничивать статью 282 от других составов, таких как часть 2 статьи 244 УК РФ.

Однако, по мнению А.С. Лаврива, статья 280 УК РФ о призывах к экстремистской деятельности частично пересекается с статьёй 282, так как обе касаются призывов к насилию. Однако существует различие: статья 282 регулирует оправдание противоправных действий по признакам расы, религии или национальности, а статья 280 – публичные призывы к экстремизму без необходимости обоснования [15].

Сложности разграничения подтверждает судебная практика [24]. Например, в деле Виноградова, обвиняемого в публикации манифеста с призывами к массовым убийствам, было трудно отнести действия к статье 280, так как в действиях присутствовало идеологическое обоснование, подходящее под статью 282. Однако Верховный Суд не усмотрел состава преступления по этой статье.

Этот случай подчёркивает необходимость чёткого разграничения составов преступлений. Для точной квалификации действий важно учитывать их объективную сторону, что подтверждается разъяснениями Пленума ВС РФ, но вопрос остаётся дискуссионным.

Состав преступления, предусмотренный статьей 280 УК РФ, является формальным: преступление считается оконченным с момента публичного призыва, независимо от того, были ли совершены экстремистские действия. Согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», уголовная ответственность наступает за призывы к насильственному изменению основ конституционного строя, возбуждение ненависти, пропаганду превосходства, а также создание препятствий в деятельности государственных органов и общественных объединений.

Ключевым элементом состава преступления является публичный призыв. Его следует определять как форму психического воздействия, направленную на побуждение к действиям, что соответствует общепринятому пониманию призыва как воздействия на волю и сознание.

Основные аспекты публичного призыва включают его массовость и восприятие адресатами. Призыв должен быть направлен на неограниченный круг лиц, а аудитория должна воспринимать его как побуждение к действиям. Если обсуждение происходит в узком кругу, состава преступления не возникает. Таким образом, квалификация преступления по статье 280 УК РФ требует внимательного анализа контекста и содержания призыва.

Тем не менее, на уровне Пленума ВС РФ имеется толкование, отраженное в ст.4 уже упоминавшего Постановления Пленума ВС РФ № 11, где сказано, что «под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности, причем вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела» [21].

Исследуя нарушения территориальной целостности, можно прийти к выводу, что призывы, подпадающие под статью 280.1 УК РФ, касаются насильственного распада государства или отделения его части. Однако статья не охватывает призывы к ненасильственному изменению границ, и судебная практика подтверждает, что такие действия не наказываются. Примером может служить дело, где фигурант был признан виновным за распространение призывов к созданию независимой республики, но суд посчитал эти призывы ненасильственными, и не назначил наказание за нарушение территориальной целостности.

В другом случае публичный призыв к проведению референдума об отделении Астраханской области был признан нарушением территориальной

целостности, что подтвердил лингвистический эксперт. Это подчеркивает важность правильной трактовки подобных призывов в правовой практике.

В Постановлении Пленума ВС РФ № 11 уточняется, что возбуждение ненависти или вражды может включать оправдание насилия или геноцида, однако примеры в постановлении не охватывают все возможные случаи, что требует более гибкого подхода в правоприменении.

Пленум ВС РФ также подчеркивает, что призывы к возбуждению ненависти или вражды должны быть публичными. В этом контексте стоит отметить различие между статьями 280 и 282 УК РФ: в статье 280 используется акцент на средства массовой информации и интернет, как квалифицирующий признак, в то время как в статье 282.2 этот аспект не подчеркивается, что выглядит необоснованным.

Для понимания состава преступлений по статьям 282.1 и 282.2 УК РФ важно различать понятия «экстремистская организация» и «экстремистское сообщество». Экстремистская организация – это объединение, деятельность которого была запрещена судом, в то время как экстремистское сообщество связано с наличием организованной структуры и цели подготовки преступлений экстремистской направленности. Эти термины не являются синонимами, а представляют собой разные явления.

Теперь можно перейти к более детальному анализу объективной стороны. Объективная сторона преступления экстремизма «проявляется в действиях, направленных на нарушение конституционного строя, государственной власти» [30]. В целом характерная особенность всех преступлений экстремистской направленности заключается в том, что они не обладают некоторым единым родовым объектом, что вполне логично объясняется объективными причинами и свойствами, которые их формируют.

Объективная сторона состава преступлений, предусмотренных статьей 282.1 УК РФ включает в себя три отдельные категории преступлений:

- «создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений

экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности;

- склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества;
- участие в экстремистском сообществе» [34].

Вышеуказанным п. 14 Постановления Пленума ВС РФ № 11 разъясняется, что понимать под готовностью к совершению преступлений: «Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества (часть 1 статьи 282.1 УК РФ) наступает с момента фактического образования указанного сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. На наличие такой цели может указывать, в частности, осуществление ими умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистского сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники такого сообщества запланированное преступление экстремистской направленности. О готовности экстремистского сообщества к совершению указанных преступлений может свидетельствовать, например, достижение договоренности о применении насилия в общественных местах в отношении лиц по признакам принадлежности (или непринадлежности) к определенным полу, расе, национальности, языковой, социальной группе, в зависимости от происхождения, отношения к религии» [21]. Это лишь примерный перечень, и следовательно, правоприменителю следует действовать согласно духу закона, избегая формальной трактовки.

Под руководством экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями в статье 282.1 УК РФ следует понимать осуществление управленческих функций в отношении экстремистского сообщества, его части или структурных подразделений, а также отдельных его участников как при совершении конкретных преступлений экстремистской направленности, так и при обеспечении деятельности экстремистского сообщества.

Такое руководство может выражаться, в частности, в разработке общих планов деятельности экстремистского сообщества, в подготовке к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных экстремистским сообществом или входящими в его структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества)» [21].

Статья 282.1 УК РФ также предусматривает ответственность за участие в экстремистском сообществе.

Верховный суд РФ в своем Постановлении Пленума ВС РФ № 11 также раскрыл содержание, говоря, что «под участием в экстремистском сообществе (часть 2 статьи 282.1 УК РФ) надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, участие в подготовке к совершению указанных преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение таких преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации)» [21].

Верховный Суд РФ рассматривает это как формальное преступление, то есть ответственность наступает с выполнением любого из предусмотренных

действий. Важно отметить, что участие должно быть активным, поскольку формулировка статьи требует не только вступления в сообщество, но и участия в подготовке экстремистских преступлений. Вопрос пассивного участия остаётся спорным, поскольку освобождение от ответственности возможно только в случае официального выхода из сообщества, что на практике трудно доказать [37].

Согласно постановлению, состав преступления считается завершённым, если было совершено хотя бы одно действие, направленное на вовлечение человека в экстремистское сообщество. Однако отсутствие подробного определения каждого действия вызывает неопределённость в правоприменении. Это заставляет суды полагаться на собственное толкование, что может привести к различным трактовкам, например, исключению обвинений в вербовке, если нет доказательств соглашений между сторонами.

Определение вербовки отмечено на международном уровне, а именно в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, где сказано, что вербовка есть «привлечение другого лица к совершению или участию в совершении террористических преступлений или к присоединению к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений» [10].

Исследователь Кудрявцев В.Л. под склонением подразумевает «совершение действий, направленных на убеждение лица в необходимости совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности» [13]. При таком понимании склонения не охватываются варианты с применением принуждения (например, шантажа).

Объективная сторона ст. 282.3 УК РФ может быть выражена в трех альтернативных действиях, а именно:

- «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений

экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации;

- те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения» [31].

Постановление Пленума ВС РФ № 11 не даёт разъяснений по ст. 282.3 УК РФ, но аналогичный подход можно применить, как в случае с ст. 282.2, обратившись к примечанию 1 ст. 205 УК РФ. «Под финансированием терроризма в УК РФ понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений» [21]. В п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 указано, что «финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений

(например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц)» [21].

Правоприменитель должен трактовать понятие финансирования расширительно, включая не только отчисления в общую кассу, но и средства для подкупа должностных лиц. Для более точного понимания стоит обратиться к ст. 1 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма: «средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими» [16].

В практике выработан подход, при котором, если средства ограничены или изъяты из оборота, действия квалифицируются по совокупности преступлений, включая ст. 282.3 и другие статьи УК РФ [37]. Минин А.Я. утверждает, что преступление считается завершённым с момента получения первого взноса, и если сбор средств незаконный, то действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, в том числе по ст. 282.3 УК РФ: «приискание, получение (например, сбор пожертвований), сохранение для последующего финансирования организации (организационной работы), подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества (организации)» [17].

Для определения содержания оказания услуг обратимся к п. 2 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» 26.07.2006 № 135-ФЗ, где сказано, что «финансовая услуга – банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой

организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц» [33].

Если финансовая услуга предоставляется без регистрации или лицензии, такие действия следует квалифицировать как преступления. Для эффективного применения норм законодательства важно уточнить определения ключевых понятий, чтобы правоприменители могли правильно использовать законодательные инструменты [17].

2.2 Характеристика субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ

Рассмотрим субъективную сторону преступлений экстремистской направленности. Наиболее четко ее раскрывает Э.М. Агаджанян в своей работе: «субъектом преступлений экстремистской направленности, как и любого другого преступления, может быть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. УК РФ различает вменяемых в зависимости от возраста. Так, по общему правилу субъектом экстремистского преступления может быть лицо, достигшее возраста шестнадцати лет (статьи 116, 117, 119, 244, 280, 282.2 УК РФ)» [2].

Однако, есть преступления, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет. Так, возраст привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с экстремизмом, варьируется. Для статей 105, 111, 112, 213 и 214 Уголовного кодекса РФ минимальный возраст составляет 14 лет. По статьям 116, 117, 119, 244, 280 и 282.2 УК РФ ответственность наступает с 16 лет. В то же время, часть 2 статьи 282 и часть 3 статьи 282.1 УК РФ предусматривают наказание только для лиц, достигших 18 лет.

Преступления экстремистской направленности чаще всего совершаются общим субъектом, однако квалифицированные составы, например, п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282.2 и ч. 2 ст. 282.3 УК РФ, предусматривают специальный

статус субъекта. Так, в ч. 1 ст. 282.2 субъектом выступает организатор экстремистской организации, а в ч. 1.1 – лицо, вовлекающее других в такую деятельность. Часть 2 статьи охватывает участников экстремистской организации.

Толкование термина «использование служебного положения» остается предметом научных дискуссий в юридическом сообществе. Большинство специалистов придерживается позиции, что при квалификации служебных правонарушений, в том числе экстремистской направленности, необходимо руководствоваться определением должностного лица, закрепленным в примечании к статье 285 Уголовного кодекса РФ.

Субъективная сторона преступлений раскрывается через вину и мотив. Вина в подобных преступлениях всегда характеризуется прямым умыслом: лицо осознает общественную опасность своих действий и стремится их совершить. Это может выражаться в публичных призывах к экстремизму, возбуждении ненависти, унижении достоинства или организации запрещенной деятельности. Если же лицо не знало об экстремистском статусе организации, например, из-за обмана, уголовная ответственность исключается.

Объем умысла варьируется в зависимости от типа преступления. В материальных составах умысел охватывает не только действия, но и их общественно опасные последствия. Так, по части 2 статьи 105 УК РФ умысел включает как само насилие, так и цель – причинение смерти. В формальных составах умысел ограничивается только действиями, без необходимости достижения конкретного результата. Например, для привлечения к ответственности по статье 282.1 УК РФ достаточно установить намерение организовать экстремистское сообщество, даже если оно не было реализовано.

Цели преступлений, предусмотренных статьями 280, 280.1 и 282 УК РФ, играют ключевую роль. Например, ст. 280 предусматривает побуждение к экстремистской деятельности, а ст. 280.1 – нарушение территориальной целостности России. Действия осужденных могут включать размещение

экстремистских материалов в интернете с целью воздействия на широкую аудиторию. Статья 282, в свою очередь, направлена на пресечение действий, разжигающих ненависть или унижающих достоинство по различным признакам.

В Москве был рассмотрен случай по ч. 1 ст. 282 УК РФ: в центре города продавались бюсты солдат и офицеров нацистской Германии с символикой СС. Однако состав преступления не был установлен, так как продавцы не стремились возбуждать ненависть или вражду, их целью была прибыль. Такие действия подпадают под ст. 20.3 КоАП РФ, предусматривающую ответственность за демонстрацию нацистской символики.

Если экстремистские материалы распространяют члены запрещённой организации, их действия могут быть квалифицированы как участие в экстремистской деятельности (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ). В зависимости от умысла и содержания материалов возможна переквалификация на статьи 280, 280.1 или 282 УК РФ.

Сложность квалификации экстремистских преступлений также заключается в мотиве. А.С. Лаврив считает, что «данное преступление можно определить по специфическому мотиву, но отсутствие такого мотива означает, что исключается возможность квалифицировать экстремистскую направленность деяния. Мотив, как и цель, является субъективной стороной преступления, но он сложно определим, так как это психологическая категория и о нём можно судить только по внешним проявлениям, а также необходимо учитывать и характер самого подозреваемого. Невозможно не согласиться с данной точкой зрения, ведь мотив каждый человек определяет для себя сам, люди не всегда бывают до конца откровенны и при определении мотива можно столкнуться с сокрытием необходимой для следствия информации» [15]. С этой точкой зрения можно согласиться, поскольку каждый человек сам определяет свой мотив и не всегда бывает откровенен, что может затруднить установление необходимых для следствия фактов [15].

По нашему мнению, мотив преступления в экстремистской деятельности может быть различным: от ненависти на политической, расовой или религиозной почве до корыстных целей, например, за денежное вознаграждение. Ненависть выражается в неприязни и негативной оценке, тогда как вражда предполагает агрессивные действия, направленные на причинение вреда. Экстремистские мотивы возникают, когда противоправные действия совершаются из-за неприязни к определённой группе, выделяемой по социальным, религиозным или политическим признакам.

Ненависть и вражда могут носить политический, идеологический, расовый, национальный или религиозный характер. Эти чувства объединяет непримиримость к людям, отличающимся по определённым признакам, что часто связано с предвзятостью или искажённым восприятием. Вражда проявляется через агрессивное поведение, тогда как ненависть остаётся внутренним эмоциональным состоянием. Таким образом, вражда считается активной формой ненависти.

Мотивы экстремистских преступлений можно разделить на два типа: ненависть, как внутреннее побуждение к деструктивным действиям, и вражду, как готовность к агрессии. Это различие важно учитывать при анализе субъективной стороны преступления, которая включает вину, мотив, цель и эмоции. Для экстремистских преступлений характерен прямой или косвенный умысел, но наличие мотива ненависти или вражды является обязательным условием.

Мотив преступления – это осознанное стремление достичь цели, основанное на потребностях или интересах. В экстремистских преступлениях такие мотивы определяют их опасность и подлежат обязательному доказыванию. Если статья закона требует наличия специального мотива или цели, необходимо установить, что действия преступника были направлены именно на их достижение.

Верховный Суд в п. 3 Постановления Пленума №11 указал, что при наличии экстремистского мотива другие мотивы исключаются. Однако в

контексте хулиганства (ст. 213 УК РФ) Суд отклонился от этой позиции, что вызывает вопросы. Хулиганство, как грубое нарушение общественного порядка, направлено на демонстрацию неуважения к обществу, а не на противоправные действия против определённой группы. Такое сочетание понятий усложняет практическую квалификацию.

Для точности в применении норм предлагается заменить термин «политический» на формулировку: «ненависть или вражда, обусловленные отношением к идеологии, национальности, расе, религии или социальной группе». Это исключает неоправданные абстракции и лучше отражает суть преступлений.

Мотивы и цели, связанные с деятельностью экстремистской организации, не влияют на квалификацию преступления, но учитываются судом при назначении наказания. П.С. Яни отмечает, что преступления, совершённые по мотивам ненависти или вражды, могут быть наказуемыми даже без прямого указания на мотив в законе, что подтверждает необязательность экстремистского мотива для квалификации [42].

Интересна роль исследуемых преступлений в структуре преступности, описанной в своей работе А.В. Ростокинским и С.В. Данелян. Исключив идеологию и политические взгляды инсургентов, они выделили два типа действий [27]:

- неправомерное ограничение прав граждан по признаку групповой принадлежности без личного конфликта между потерпевшим и виновным. Сюда входят общеуголовные преступления, такие как дискриминация, вымогательство, нападения, убийства, массовые беспорядки и геноцид.
- публичное подстрекательство неопределённой группы лиц к совершению таких деяний, обосновывающее их целесообразность и безвредность для общества, а также необходимость в особых условиях. Это включает в себя «информационное паразитирование» на конфликтных ситуациях, в том числе криминальных.

«Мы не можем утверждать, является ли «экстремистская направленность» целью деятельности виновного или объективным, подающимся измерению, результатом. Обоснованно квалифицировать некоторые эмпирически наблюдаемые действия (публиковал информацию об обидах «местного» населения «неместными» или наоборот, выложил в Интернете видеофильм о терактах или митингах, спел песню...) как «публичное оправдание», «возбуждение», «разжигание» или «организация действий» – далеко не простая задача» [27].

Таким образом, по результатам исследования во второй главе можно сделать вывод, что преступления экстремистской направленности угрожают основам конституционного строя и безопасности государства, затрагивая общественные отношения, обеспечивающие их функционирование. Объективная сторона таких преступлений чаще всего выражается в активных действиях: насилии, использовании СМИ, злоупотреблении должностным положением или участии в преступной группе.

Субъектом преступления выступает общий субъект, а субъективная сторона характеризуется прямым умыслом – преступник осознаёт общественную опасность своих действий и стремится их совершить. Хотя мотивы не обязательны для квалификации, их роль важна при назначении наказания.

Глава 3 Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности

3.1 Вопросы ограничения экстремизма и терроризма

Противодействие экстремизму остается сложной задачей для правоохранительных органов, особенно в условиях изменяющихся тактик экстремистских групп. В последние годы их активность усилилась в интернете, создавая дополнительные трудности для выявления и пресечения преступлений.

Исследования уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности показывают, что 99% обвиняемых – мужчины. Наиболее активны в экстремистской деятельности лица в возрасте от 14 до 18 лет (29 %), от 18 до 25 лет (52 %) и от 25 до 30 лет (19 %). Часть виновных избегает ответственности, так как не достигла 16 лет – возраста привлечения за такие преступления [20].

Молодёжь особенно уязвима для экстремизма из-за эмоциональной восприимчивости, доступности информации в интернете и склонности к радикальным взглядам. Это делает её основной мишенью для экстремистских организаций.

Среди причин экстремистских проявлений эксперты выделяют социальное неравенство, недостаток опыта и снижение интереса молодёжи к социальным и политическим процессам в обществе.

Юристы продолжают дискутировать о взаимосвязи терроризма и экстремизма. В законодательстве нет точного определения «террористической деятельности», поэтому ключевое значение имеет пункт 2 статьи 3 Федерального закона, где указаны основания для привлечения к уголовной ответственности за терроризм [7].

Эксперты считают терроризм частью экстремизма, поскольку экстремистские действия создают почву для террора. Писаренко отмечает, что

терроризм – это наиболее опасная и выраженная форма экстремизма. Несмотря на то, что терроризм входит в категорию экстремистских преступлений, он выделяется повышенной степенью общественной угрозы [7]. Таким образом, терроризм рассматривается как крайняя и самая опасная форма экстремизма.

Дополнительные сложности возникают при квалификации преступлений против социальной группы, поскольку законодательство не дает четкого определения этого понятия. Остаются вопросы о количестве пострадавших, необходимых для признания преступления экстремистским, а также о возможности такой квалификации при нападении на одного человека. Эти вопросы продолжают оставаться предметом правовых и научных дискуссий.

Законодательство об экстремизме содержит противоречия и неопределенные формулировки, что затрудняет квалификацию преступлений и снижает эффективность правоохранительной деятельности. При оценке подозрительных материалов прокуратура привлекает экспертов в области лингвистики, социальной психологии и религиоведения. Однако единых подходов к оценке экстремистского контента нет, что приводит к разным правовым трактовкам.

Если материалы содержат символику запрещенных организаций, их квалификация не вызывает сомнений. Однако в других случаях прокуроры и суды сталкиваются с неопределенными критериями, что осложняет правоприменение. Разные эксперты могут давать противоречивые заключения, а суды принимать неоднозначные решения.

Дополнительные сложности возникают из-за статьи 205.6 УК РФ о несообщении о террористических преступлениях. Ее название может ввести в заблуждение, создавая впечатление, что речь идет обо всех преступлениях. Некоторые специалисты предлагают уточнить формулировку, чтобы избежать двусмысленности. В целом правоприменительная практика требует доработки

нормативного регулирования и четких критериев квалификации экстремистских преступлений.

Для подкрепления сделанного вывода в качестве примера можно привести решение Кизлярского районного суда Республики Дагестан [23].

«В сентябре 2017 года М. общались с Д.Н.А. и Ш.А.Ю., которые не состояли с ним в родственных отношениях, и которые отстаивали радикальные взгляды в рамках «Религиозного экстремизма» в исламе. Эти люди, выполняющие определенные задания, предложили Г.З.М. присоединиться к их вооруженному подразделению, которое организовали они сами, с Д.Н.А. в качестве лидера. Они также проинформировали Г.З.М. о планах на убийство членов пограничных сил на одной из территорий РФ, и полицейского участкового. Осознавая сущность данного подпольного вооруженного формирования, Г.З.М. предпочел утаить эту информацию и не раскрыл намерения Д.Н.А. и Ш.А.Ю., которые в итоге совершили криминальное деяние, описанное в части первой статьи 208 УК РФ, «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации».

Таким образом, М. не сообщил ни о людях, замешанных в преступлениях, ни о самом действии, включая планы на убийство сотрудников пограничных служб и полиции. Согласно статье 205.6 Уголовного кодекса РФ, человек, который скрыл информацию о преступниках, может быть привлечен к ответственности. Это означает, что, если кто-то знает о подготовке 47 преступлений или о том, что они уже совершены, и не сообщает об этом, этого человека можно наказать по этой статье» [23].

Несообщение о преступлении касается не только личности преступника, но и любой информации, способной предотвратить теракт. Однако уголовная ответственность по статье 205.6 УК РФ наступает не всегда – в ряде случаев поступок может вызвать лишь общественное осуждение. Некоторые эксперты считают, что наказание за несообщение должно распространяться только на

тяжкие преступления, но противники этой идеи отмечают отсутствие такой обязанности в отношении других серьезных преступлений.

«Али Зим-Алиевич, обладая достоверными сведениями о вовлеченности Р.М. и М.Р. в действия, связанные с незаконной военной группировкой на территории Сирийской Арабской Республики, цели которой противоречат интересам Российской Федерации и подпадают под действие статьи 208 части 2 Уголовного кодекса РФ, осознает общественную опасность и незаконность собственных действий. Он, исходя из искаженного понимания дружбы, осознания неизбежности возникновения вредных последствий, стремления к их наступлению и движимый личными заинтересованностями, в том числе нежеланием сотрудничать с органами власти, ответственными за регистрацию преступлений, не сообщил эту информацию в установленные органы. Обладая реальной возможностью это сделать, он не выразил готовность сообщить в официальные структуры о действиях Р.М. и М.Р., чье присутствие в нелегальном армированном контингенте, оперирующем в 49 Сирийской Республике вопреки законам этой страны и в ущерб безопасности Российской Федерации, составляет преступление, предусмотренное частью 2 статьи 208 УК РФ» [25].

Муратов О.А., осведомленный о действиях ФИО1, направленных на подготовку к участию в деятельности международного террористического объединения «Катиба Таухид валь-Джихад», которые противоречат безопасности Российской Федерации, и владея подтвержденной информацией о этих противоправных действиях ФИО1, не раскрыл в соответствующие органы власти сведения о совершении указанным лицом действий, предшествующих террористической деятельности, несмотря на наличие фактических возможностей для этого. Такие действия ФИО1 подпадают под юридическую квалификацию по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.4 Уголовного кодекса РФ. В итоге, Муратов О.А. признавал общественную опасность своего бездействия и возможные последствия, включая препятствие властям в пресечении преступления ФИО1, но не предпринял шагов для

информирования компетентных органов, хотя и имел все данные для сообщения о подготовке к преступлению, влекущему ответственность в соответствии с ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.4 УК РФ [22].

Судебная практика индивидуально оценивает такие дела, учитывая степень угрозы, мотивы и последствия. Ставропольский краевой суд подчеркивает, что без своевременной информации правоохранительные органы не могут предотвратить преступления и задержать виновных. При этом статья 205.6 УК РФ предусматривает наказание за бездействие, которое может быть полным или частичным, например, если человек сообщил о преступлении, но скрыл сведения о преступнике.

Таким образом, «8 ноября 2017 года, между 21:00 и 22:00, ФИО5, находясь в месте своего временного нахождения и стремясь публично 50 выразить поддержку деятельности международной террористической группировки, а также поддержать и признать правильными идеологию и методы терроризма, использовал свой личный смартфон с возможностью подключения к сети «Интернет». Через мобильное приложение на таджикском языке, название которого переводится как «На пути», и доступное для широкого круга лиц, опубликовал аудиозапись на таджикском языке с его личными высказываниями, аргументирующими оправдание террористических актов. ФИО5 с намерением предоставить финансовую поддержку индивидуум, стремящимся отправиться в Сирийскую Арабскую Республику для присоединения к рядам международной структуры и участия в конфликтах против войск данного государства, использовал терминал для безналичных расчетов №, чтобы выполнить перевод средств в размере 4000 рублей на предоставленный банковский счет. Во время беседы Латипова А.А. проинформировал собеседника о ранее упомянутых обстоятельствах, которые касаются оправдания действий международного характера в сети «Интернет», а также о финансовой поддержке индивидов, стремящихся попасть на территорию другого государства для присоединения к рядам международной структуры. Кроме того, он пытался убедить его (Латипова А.А.) заняться

распространением пропаганды деятельности названной террористической группировки в «Интернете» и переехать для постоянного проживания с целью участия в нелегальных вооруженных формированиях в конфликтах против военных сил упомянутых стран» [20].

Проблема в том, что люди по-разному воспринимают достоверность информации, а суды должны учитывать не только источник, но и степень уверенности сообщающего лица. В связи с этим предлагается уточнить формулировки закона, например, переименовать статью в «Уклонение от сообщения о преступлениях террористической направленности» и определить, какие сведения считаются достоверными. Это поможет устранить правовые неясности и повысить эффективность применения нормы.

Экстремизм создаёт значительную угрозу общественной безопасности, что делает необходимым его тщательное исследование и практическую оценку в контексте уголовного права. Уголовная ответственность служит действенным инструментом противодействия таким преступлениям. Она не только пресекает незаконные действия, но и формирует у потенциальных правонарушителей и общества понимание возможных правовых последствий.

3.2 Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности в сети Интернет

С развитием интернета преступная деятельность все чаще переходит в цифровое пространство, что повысило риски для общества. В связи с этим в УК РФ внесли изменения: в статью 280 о призывах к экстремизму и статью 282 о разжигании ненависти добавили указание на распространение информации через интернет. Теперь ответственность предусмотрена не только за публикации в СМИ, но и за размещение материалов в сети.

При квалификации преступлений экстремистской направленности важно учитывать современные способы их совершения, особенно с учётом активного использования интернета. В частности, статьи 280, 280.1 и 282 УК РФ устанавливают ответственность за призывы к экстремистской деятельности, публичные призывы к нарушению территориальной целостности России, а также за действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды или унижение человеческого достоинства.

Особое внимание заслуживает статья 282 УК РФ. В её рамках использование интернета рассматривается как основной признак состава преступления. Это означает, что сам факт распространения запрещённых материалов через сеть уже образует объективную сторону деяния, даже если такие действия не сопровождаются публичностью или использованием средств массовой информации. Таким образом, интернет становится самостоятельным инструментом для совершения преступлений экстремистского характера.

При анализе преступлений экстремистской направленности важно обращать внимание на название, оформление и содержание сайтов, электронных ресурсов или страниц в социальных сетях. Название может содержать слова или символы, прямо или косвенно указывающие на экстремистский характер информации. Например, это могут быть призывы к

ненависти, вражде, унижению человеческого достоинства или нарушению территориальной целостности России.

При рассмотрении в порядке статьи 125 УПК РФ жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела о преступлении экстремистской направленности суду необходимо тщательно проверять наличие не только повода, но и основания для возбуждения дела, что предполагает представление в суд материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на признаки соответствующих преступлений.

С учетом содержания диспозиций статей 280, 280.1, 282 УК РФ к таким данным относится, например, не только сам факт размещения в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети текста, изображения, аудио- или видеофайла, содержащего признаки призывов к осуществлению экстремистской деятельности или действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, в том числе на направленность умысла, мотив совершения соответствующих действий» [21].

Необходимо также проверить доступность таких ресурсов. Наличие ссылок в поисковых системах, данные о посещениях, просмотрах, скачиваниях или обмене материалами, а также количество и содержание комментариев могут служить важными доказательствами.

На следующем этапе анализируются объективные признаки с учётом субъективной стороны преступления. Для квалификации экстремистского преступления важно, чтобы виновный осознавал общественную опасность своих действий и стремился к их осуществлению, включая распространение информации экстремистского характера. Мотивы ненависти и цель их возбуждения у других обычно проявляются в действиях преступника. Данные из социальных сетей помогают установить личность, круг общения и

возможных соучастников, что может свидетельствовать о наличии организованной группы.

Анализ объективной и субъективной сторон преступления позволяет правильно определить объект посягательства. Обстановка, способ совершения, направленность умысла и мотивы дают представление о характере нарушенных общественных отношений. Информация в интернете может указывать как на признаки экстремизма, так и на наличие террористических мотивов, например, в случаях публичных призывов к насилию или другим формам агрессии [8].

В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» рассматривается соотношение двух составов преступлений. Первый из них – публичные призывы к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), а второй – возбуждение ненависти, вражды или унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Документ содержит общие рекомендации, помогающие разграничить эти составы, в нем закреплено следующее: «Обратить внимание судов на то, что статьей 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления» [21].

В 2016 году закон Яровой усилил контроль за передачей данных: операторы связи обязаны хранить информацию о переписке пользователей. Это упростило расследования, позволяя правоохранителям получать данные напрямую. Однако остается проблема разграничения законных и преступных высказываний в интернете, поскольку экстремистские материалы могут быть в разных форматах – текст, аудио, видео.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 требует учитывать место и способ распространения призывов, но на практике возникают сложности. Термин «информационно-телекоммуникационные сети» появился позже понятия «СМИ», что приводит к правовым противоречиям при квалификации преступлений.

Так судебная коллегия посчитала, что приговор Центрального районного суда г. Кемерово неправомерен в части вменения К. совершения публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в части, что деяние совершено с использованием средств массовой информации. Из кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда следует: «вывод суда первой инстанции основан на том, что листовка, содержащая призывы к осуществлению экстремистской деятельности, была размещена на сайте в сети Интернет, и данное обстоятельство суд счел как использование средств массовой информации. Однако судом не принято во внимание, что в соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 (ст. ст. 2, 8, 23, 24) сайт (информационный ресурс) в сети Интернет приобретает статус средства массовой информации только после регистрации его как средства массовой информации в установленном законом порядке. Само по себе размещение К. информации (листовки), содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности, на сайте в Интернете свидетельствует об иной форме размещения и доведения ее до сведения широкой аудитории владельцев персональных компьютеров, подключенных к сети Интернет, и подтверждает публичность призывов, содержащихся в листовке, размещенной на сайте Интернета». Из этого следует вывод, что не всякое размещение информации экстремистского характера в сети Интернет будет подпадать под признак «использование средств массовой информации» [29].

Контроль за распространением информации в интернете требует постоянного обновления методов, так как цифровая среда быстро меняется.

Одна из ключевых проблем – определение публичности интернет-ресурсов, на которых могут размещаться экстремистские материалы.

Публичность страницы или профиля определяется доступностью информации для широкого круга пользователей, возможностью копирования и отсутствием технических барьеров для распространения. Однако современные технологии позволяют хранить данные в закрытых разделах, и пользователи могут не осознавать экстремистский характер таких материалов.

Исследования показывают, что уровень правовой грамотности в сфере интернет-активности остается низким. Около 70% пользователей имеют лишь общее представление о юридических рисках и не осознают, какие публикации могут быть признаны экстремистскими, «... а 16% полагают, что в этой сфере легко можно обойтись и без законов, поскольку они пользуются в виртуальном пространстве своими знаниями и чувствами. Около 10% не имеют никакого представления о возможностях правового регулирования сети Интернет и в разное время совершали те или иные правонарушения» [40]. Это подчеркивает необходимость разъяснительной работы и повышения осведомленности граждан.

Так п. 8 указанного Постановления № 11 дополнен разъяснениями согласно которым «размещение в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети может быть квалифицировано по ст. 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, размещая ту или иную информацию, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. При решении вопроса о наличии или отсутствии у лица подобного прямого умысла следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного. Верховный Суд РФ указывает примерный перечень (не исчерпывающий) на что следует обращать правоприменителю для

уличения лица в подобном умысле, так например, следует учитывать форму, контекст и содержание информации, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, данные о его личности (в частности, участие в экстремистских объединениях привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения» [21].

При решении вопроса об использовании средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (часть 2 статьи 280, часть 2 статьи 280.1 и статья 282 УК РФ), судам следует учитывать положения Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» и Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

При совершении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи или с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», преступление следует считать оконченным с момента размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или в блогах), отправления сообщений другим лицам.

Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по статье 282 УК РФ только в том случае, если они совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах,

книгах, на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц)» [21].

Практика привлечения к ответственности за репосты и лайки вызвала широкий резонанс, что привело к изменениям в Постановлении Пленума ВС РФ № 11. Ранее суды не учитывали намерения пользователей, рассматривая сам факт распространения информации как преступление. Например, в 2015 году в Омске осудили 18-летнего юношу за публикацию песен Тимура Мацураева, некоторые из которых признаны экстремистскими.

Правоприменители нередко испытывают сложности при разграничении составов преступлений экстремистской направленности, регулируемых уголовным и административным законодательством. Особенно актуальной эта проблема стала из-за активного распространения экстремистских материалов в интернете, включая молодёжную аудиторию.

Основным инструментом для выявления таких материалов является Федеральный список экстремистских материалов. По данным на март 2025 года, в него включено 5460 наименования: фото, видео, аудиозаписи, тексты песен, стихи, статьи и книги. Все они были признаны экстремистскими решениями судов различных инстанций. Список регулярно пополняется, что отражает рост экстремистской активности в цифровом пространстве.

В таких условиях правоприменителям требуется тщательно анализировать каждый случай. Это помогает правильно квалифицировать деяния и избежать ошибок при разграничении административных и уголовных норм.

Определение экстремистского характера информации остается сложной задачей. Пользователи могут не осознавать содержание материалов или не иметь цели их распространения, но правоохранительные органы обязаны выявлять такие публикации. Экспертизы, на которых основываются суды, часто дают противоречивые заключения. В одном случае материалы признали призывом к насилию, а повторное исследование пришло к противоположному

выводу. Это подчеркивает необходимость установления четких стандартов для экспертов.

Однако, не стоит забывать и о рекомендациях данных Верховным Судом РФ в своем Постановлении Пленума ВС РФ №11, где сказано, что «критика политических организаций, национальных или религиозных обычаев, а также высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе не будут подпадать под соответствующие составы» [21].

В 2018 году изменения в Постановление Пленума ВС РФ разграничили разовое и систематическое распространение экстремистской информации, что позволило снизить количество необоснованных преследований. Однако интернет остается удобной площадкой для экстремистской деятельности, а правоохранительные органы не всегда успевают своевременно реагировать. Совершенствование технологий блокировки и удаления запрещенного контента остается актуальной задачей.

Таким образом, правоприменительная практика требует тщательного анализа каждого случая, поскольку интернет-платформы могут использоваться как для открытого, так и для скрытого распространения экстремистских материалов. Исследования подтверждают, что такие особенности значительно усложняют процесс квалификации. В то же время они подчёркивают необходимость постоянного совершенствования законодательства для эффективного противодействия современным угрозам.

Заключение

В результате исследования сформулированы выводы и предложения по улучшению уголовного законодательства и правоприменительной практики. Исторический анализ норм ответственности за экстремистскую деятельность показал, что их оценка менялась в зависимости от этапов развития государства и влияния политических и социальных условий.

Сравнение с зарубежным опытом выявило, что многие страны активно обновляют законодательство для борьбы с глобальным распространением экстремизма. Однако различия в подходах усложняют международное сотрудничество, что требует унификации усилий и обмена успешными практиками.

Для эффективного противодействия экстремизму важно устранить разночтения в его определении и разработать единые механизмы борьбы. Сравнительный анализ национального и зарубежного опыта может способствовать адаптации проверенных решений.

Экстремизм можно определить как деятельность, подрывающую государственные устои, конституционный строй и демократические принципы ради антисоциальных целей. Классификация таких преступлений по целям, характеру действий или степени угрозы обществу позволяет точнее определить их природу и разработать эффективные меры предупреждения.

Анализ подходов позволяет выделить три категории преступлений экстремистской направленности.

Первая категория охватывает преступления, в которых экстремистские мотивы являются основой состава, такие как ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ. Они направлены на пресечение действий, связанных с разжиганием ненависти или вражды.

Вторая категория включает преступления, где экстремистские мотивы выступают квалифицирующим признаком, например, п. «л» ч. 2 ст. 105

(«Убийство») и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ («Причинение тяжкого вреда здоровью»).

Третья категория связана с учетом таких мотивов в качестве отягчающего обстоятельства, как указано в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Несмотря на разнообразие общественных отношений, которые затрагивают эти преступления, предложенная классификация позволяет точнее разграничивать их и сосредотачиваться на доказательстве мотивов. Особенно актуальны вопросы квалификации преступлений первой категории. Например, в ст. 280 и 280.1 УК РФ публичность определяется доступностью информации, а не количеством лиц, ее воспринявших.

Для эффективного применения норм важно уточнить критерии публичности и разграничить экстремистские действия, подпадающие под административные и уголовные составы, что остается одной из ключевых задач правоприменительной практики.

Ограничительное толкование статьи 280 УК РФ, предполагающее привлечение к ответственности только за призывы к совершению экстремистских преступлений, исключая административные нарушения, представляется обоснованным. Поправки в статью 282 УК РФ ужесточают ответственность, вводя уголовные меры лишь в случае повторных нарушений в течение года. Это позволяет разграничивать случайные высказывания от общественно опасных действий.

Однако проблема термина «социальная группа» остается нерешенной. Законодательство и постановления Пленума Верховного Суда РФ не дают четкого определения, что приводит к разногласиям в судебной практике. Включение в эту категорию сотрудников правоохранительных органов и государственных служащих вызывает споры. Социологи считают, что представители власти относятся к государственным институтам, а не к социальным группам, тогда как психологи и лингвисты часто занимают противоположную позицию.

Неоднозначность подходов порождает риск необоснованного преследования, когда критика власти трактуется как экстремизм, а негативные высказывания – как разжигание ненависти. Отсутствие четкого определения понятия «социальная группа» создает правовую неопределенность, требующую устранения для единообразного применения закона и исключения злоупотреблений.

Объективная сторона преступления по статье 282 УК РФ должна включать только действия, угрожающие насилием или содержащие публичные призывы к нему, мотивированные национальной, расовой или религиозной ненавистью. Для исключения правовой неопределенности предлагается убрать из статьи термин «социальные группы», чтобы избежать разночтений и снизить риск неверного применения закона.

Ключевое значение имеет субъективная сторона преступления: деяние должно быть направлено на возбуждение ненависти или вражды. Без этой цели действия не могут быть квалифицированы как преступление. Такой подход позволяет разграничить наказуемые действия и те, которые не представляют общественной опасности.

Высказывания или научные работы, не нацеленные на возбуждение ненависти или унижение достоинства, не должны рассматриваться как преступные. Исключение спорных понятий и уточнение формулировок статьи сделают её применение более точным и справедливым.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев Ю.И. Экстремизм в России: тенденции развития и проблемы противодействия // Профилактика экстремистской деятельности: проблемы и перспективы: сборник материалов круглого стола. 2014 года. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. С. 153-167.
2. Агаджанян Э.М. Субъективные признаки преступлений экстремистской направленности // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2021. № 18. С. 6-14.
3. Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. 2018. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-klassifikatsiya-prestupleniy-ekstremistskoj-napravlennosti> (дата обращения: 12.04.2025).
4. Бычков В.В. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3 (29). С. 26-31.
5. Гармышев Я.В. Актуальные проблемы противодействия экстремизму в уголовном праве России // Актуальные проблемы политики противодействия преступности (к юбилею доктора юридических наук, профессора Репецкой Анны Леонидовны): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 27 сентября 2022 года. Иркутск : Байкальский государственный университет. 2023. С. 161-166.
6. Гучий А.В. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности // Стратегии противодействия экстремизму: материалы межведомственной научно-практической конференции, Москва, 28 октября 2021 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2021. С. 245-249.
7. Животова П.С. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, совершенные с

использованием сети Интернет // Российский следователь. М. : Издательская группа ЮРИСТ. № 5. 2016. С. 170-173.

8. Иванцов С.В., Идельбаева Г.И. Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети «Интернет» // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 56-75.

9. Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верхового Суда Российской Федерации от 18 июля 2011 г. № 5-011-190-СП [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

10. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS N 196) [рус., англ.] (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005). [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=31785> (дата обращения: 01.11.2024).

11. Кондратьева С.И. Понятие и сущность экстремизма // Молодой ученый. 2022. № 42 (437). С. 121-123.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

13. Кудрявцев В.Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. М.: Законодательство и экономика. 2012. № 5. С. 21-25.

14. Кузнецов Р.Д. К вопросу о соотношении понятий терроризм и экстремизм в контексте уголовно-правового противодействия // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 464-471.

15. Лаврив А.С. Проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности. Вестник Омского университета. Серия: Право. № 2 (31). 2012. С. 223-227.

16. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=42234> (дата обращения: 07.12.2024).

17. Минин А.Я. О противодействии финансированию экстремистской деятельности // Российский следователь. 2016. № 6. С.30–37 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=96201> (дата обращения: 07.12.2024).

18. Модельный закон «О противодействии экстремизму» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/250> (дата обращения: 11.12.2024).

19. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. Москва. 2015 г. 110 с.

20. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.09.2023 г.).

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

22. Приговор Железнодорожного районного суда г. Рязани Рязанской области № 1-117/2019 от 26 апреля 2019 г. по делу № 1-117/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

23. Приговор Кизлярского районного суда Республики Дагестан № 1-68/2018 от 9 июля 2018 г. по делу № 1-68/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

24. Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербург № 1-803/2019 от 27 ноября 2019 г. по делу № 1-803/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

25. Приговор Шелковского районного суда Чеченской Республики № 1-

45/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 1-45/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

26. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма / А.И. Рарог // Избранное: сборник статей. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. С. 449-481.

27. Ростокинский А.В., Данелян С.В. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности // Право: история и современность. 2022. № 2. С. 135-147.

28. Сазанова Е.А. Преступления экстремистской направленности: пути повышения качества уголовно-правовой охраны // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 12 (163). С. 129-133.

29. Справка Кемеровского областного суда от 05.08.2009 N 01-26/705 «Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленным районными (городскими) судами Кемеровской области в 1 полугодии 2009 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

30. Трахов А.И., Бешукова З.М. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения. Общество и право. № 2 (44). 2013. С. 78–81.

31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

32. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

33. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

34. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс: справочно-правовая

система.

35. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

36. Федотов В.А. Понятие и виды преступлений террористической направленности в законодательстве Российской Федерации // Интеллектуальный потенциал молодых ученых как драйвер развития АПК : Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и обучающихся. Санкт-Петербург-Пушкин, 15-17 марта 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. 2023. С. 831–834.

37. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 157 с.

38. Черниченко А.О. Классификация преступлений экстремистской направленности // Энигма. 2020. № 22-1. С. 117-122.

39. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 11.12.2024).

40. Экстремизм в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экстремизм_в_России (дата обращения: 11.12.2024).

41. Эрдынеева Н.Н., Попова К.Г. Экстремизм: причины, тенденции, профилактика. Забайкальский государственный университет. Чита : ЗабГУ, 2019. 235 с.

42. Яни П.С. Позиция Пленума о квалификации преступлений террористической направленности // Российский ежегодник уголовного права. 2012. № 6. С. 393-408.